

Гарри прислушался к тяжелым шагам своего бывшего преподавателя, грохочущим на лестнице, а потом затихшим вдали. Он все еще пытался избавиться от тошноты, когда уловил движение рядом со своим стулом. Оказалось, что Гермиона уже проснулась и со слезами на глазах смотрела прямо на Гарри.

— Я была права, — прошептала она. — Все это время я была права.

Гарри нахмурился.

— Видишь? Я была права! Тебе стоило прислушаться ко мне! — продолжала Гермиона, а ее голос с каждым словом становился все громче и визгливее. — Ты никогда меня не слушаешь!

— Он убил Дамблдора, — холодно прошипел Гарри. Он все еще был взбешен и шокирован: как тем, что Снейп любил его маму, так и тем, что в нем самом могла содержаться часть души Тома Риддла.

— Но у него не было выбора! Ты же слышал, он сказал, что...

— Тем не менее, он все равно остается убийцей! — заорал Гарри, пытаясь освободиться. — И я был прав насчет Малфоя! Я знал, что он что-то замышляет, но вы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь мне! Вы же были слишком заняты тем, что без конца твердили о моей «одержимости» Малфоем и доставали меня разговорами о чертовом учебнике! Если бы я смог помешать ему провести в замок Пожирателей Смерти...

— Дамблдор все равно был бы мертв, — взвизгнула Гермиона. — И Снейп, и Малфой тоже были бы мертвы! Снейп пытался помочь!

— Единственный человек, которому пытался помочь Снейп — это он сам! Он действительно «помогал», издеваясь над нами на уроках зельеварения? Очень «помог», убив Дамблдора, да? Ты защищаешь этого убийцу... Мерлин, он пускал слюни на мою маму!

— Ты что, не слышал? — закричала Гермиона. — Дамблдор все равно умер бы от зелья. Если бы Снейп послушался приказа и не убил его, то Пожиратели Смерти прикончили бы всех троих. И кого бы ты винил во всем тогда?

На этих словах на него нахлынуло осознание, и Гарри замолчал.

«Это была бы моя вина... Именно я заставил его допить то зелье».

Гермиона прочла его мысли по резко потемневшему взгляду. Она точно знала, о чем он думал. Снова винил себя в смерти Дамблдора! И это лишь разозлило ее еще больше.

— Да нет же! Я не это имела в виду! Ты не виноват в смерти Дамблдора, так что, будь добр, избавь меня от своего мученического вида! Мерлин, ты никогда меня не слушаешь!

— А смысл? Ты ни разу не прислушалась к моим словам, когда я пытался предупредить вас насчет Малфоя. Ты была слишком занята, строя планы вместе с Джинни, как бы свести нас вместе, а постоянные слюнявые поцелуи Рона и Лаванды стали для тебя навязчивой идеей!

— Я что? — завопила Гермиона с оторопевшим выражением лица. — Я этого не делала!

— Ха! Да ты из-за него сходила с ума, наложила Конфундус на МакЛаггена на квиддичных пробах, натравила на Рона канареек, когда...

— Я не о том, — раздраженно прервала его Гермиона. — С чего ты взял, что из всех людей именно я пыталась свести тебя с Джинни?

— Она сама рассказала мне об этом! Сказала, что ты надавала ей кучу советов, как «заполучить» меня.

— Не смей меня! — закричала Гермиона. — С какой стати мне советовать кому-либо, как заполучить человека, которого я... заполучить тебя?

— Скажешь, ты никогда не советовала ей «просто быть собой», или «расслабиться в моем присутствии», или «не относиться ко мне, как к какому-то супергерою»? Ты никогда не рассказывала ей, что мой любимый десерт — пирог с патокой, никогда не говорила ей...

— Я никогда не говорила ей подобной ерунды! Я вообще никогда не обсуждала с ней тебя, разве что однажды посоветовала жить дальше и встречаться с кем-то другим; ведь всем было ясно, что она тебя совершенно не интересуется. Хотя в итоге, как оказалось, она все-таки тебе нравилась.

— Какая тебе разница? По крайней мере, она любила меня таким, какой я есть...

— Таким, какой есть? — недоверчиво засмеялась Гермиона. — Ты действительно так думаешь? Да у нее все разговоры были лишь о том, какой ты герой! Не просто всеобщий спаситель, а ее личный «рыцарь в сияющих доспехах». И раз уж ты заговорил об одержимости, то она была просто помешана на тебе! Когда я впервые гостила в Норе, я чуть с ума не сошла от ее постоянной болтовни о тебе, о том, что «великий Гарри Поттер» никогда не полюбит ее, такую бедную и никому не нужную, без гроша за душой. Она так сильно меня достала, что пришлось сказать ей, что я больше не хочу слышать ее излияния на эту тему.

— Неужели ты только и можешь, что придирается к Джинни?

— Если бы все ограничилось только ее «поклонением» тебе, как герою, то это еще ничего.

Лично меня больше тревожило, что она шпионила за тобой каждый раз, когда ты гостил в Норе. Понятное дело, следуя за тобой, куда бы ты ни пошел, она пыталась оставаться незаметной. Но Джинни совершила ошибку, рассказав мне о том, как она проделала в стене своей спальни отверстие в ванную, чтобы подсматривать за тем, как ты моешься. Она в самом деле думала, что я буду в таком же восторге от этого, как и она сама! Ух, я тогда ей задала, скажу я тебе! После этого она всегда была со мной осторожна...

— Что-что? — яростно зарычал Гарри. — Она подсматривала за мной в душе?

— Что? Думаешь, это уже слишком для маленькой мисс «нездоровое увлечение»? А ты знаешь, что у нее под матрасом в Норе хранятся твои старые грязные трусы? Ты бы слышал, какие звуки она издавала, когда надела их, думая, что я сплю! И она просто благоговеет перед тем, как ты летаешь, как будто это...

— Мерлин, звучит так, будто бы ты ревнуешь! Во всяком случае, она была рядом, когда мне так нужно было, чтобы меня хоть кто-нибудь поддержал!

Гермиона нахмурилась. В последний раз посмотрев на Гарри, она издала гневный рык и выбежала из комнаты, оставив его бороться с веревками, которыми он был привязан к стулу.

— Правильно, просто брось меня опять! Да кому ты вообще нужна? — злобно закричал он Гермионе вслед.

Гермиона остановилась в коридоре и, насколько Гарри было видно по ее тени на стене, на мгновение заметно напряглась, но затем вновь продолжила свой путь к лестнице.

Гарри пожалел о сказанном в ту самую секунду, когда слова слетели с его языка. Сердито зарывчав, он безуспешно попытался избавиться от магических веревок, которыми был привязан к стулу, но, потерпев поражение, откинулся назад и вздохнул. Если бы только у него вышло освободить руки, чтобы помассировать уставшие глаза.

— Все это время я была права... — злобно бормотал Гарри, передразнивая голос Гермионы. — Вечно она считает себя правой.

«Потому что обычно она и в самом деле оказывается права», — прокомментировал его надоедливый внутренний голос. Гарри претило признаваться себе в том, что голос не ошибался. Заставив себя успокоиться, он задался вопросом, почему он вообще накричал на Гермиону. Это не она ведь была сальноволосым сукиным сыном, желающим трахнуть его маму. Как такое могло быть, что он безумно злился на нее, пока они рядом, но стоило ей исчезнуть, и ему все время ее не доставало?

Вот и сейчас он уже скучал по ней, несмотря на то, что прошло всего несколько секунд. Внезапно на Гарри накатила волна беспричинной паники. Он опять оттолкнул ее и прогнал, как и в тот раз, на вокзале Кингс-Кросс. Он пробормотал себе под нос что-то подозрительно

похожее на «идиот чертов».

— Гермиона... — настойчиво прошептал Гарри. Он вновь начал бороться со своими путами и позвал уже во весь голос. — Гермиона!

Гарри повесил голову, не веря в то, что он оттолкнул ту, что была нужна ему больше всего на свете. Он жалел не только из-за книги, которую дала ему Котона. Располагая столь «щедрыми» финансами, он как никогда раньше нуждался в интеллекте и находчивости Гермионы, чтобы хотя бы иметь надежду на то, чтобы дожить до окончания войны. Тем более, прогонять ее, пусть даже в целях ее собственной безопасности, было просто безумием, особенно после того, как оказалось, что его шрам может являться чем-то наподобие хоркрукса.

Неожиданно Гарри ощутил, как веревки, которыми он был привязан к стулу, ослабились. Со стороны дверного проема раздался тихий голос Гермионы, и он вскинул голову.

— Гарри?

Она стояла у двери, вертя в руках их палочки.

— А тебе? — спросила она едва слышным шепотом.

Гарри озадаченно посмотрел на нее и спросил:

— Что?

— А тебе я еще нужна? — ее тихий голос прозвучал испуганно.

Гарри почувствовал себя сволочью, заметив на ее щеках влагу от пролитых слез. Он ни на секунду не задумался над ответом:

— Конечно, ты мне все еще нужна, — честно ответил Гарри. — Больше, чем я когда-нибудь смогу тебе сказать.

Страдальчески улыбнувшись, Гермиона всхлипнула и вбежала в комнату. К огромному удивлению Гарри, она уселась ему на колени, крепко обняла за шею и разрыдалась ему куда-то в макушку. Он хотел было обнять ее в ответ, но его руки были все еще опутаны веревками, придавленными весом Гермионы.

— Почему мы все время ругаемся? — тонким голосом спросила она. — Почему постоянно ссоримся? Мне не хочется спорить с тобой, но каждый раз я будто теряю над собой контроль!

У Гарри никак не выходило придумать разумный ответ, большей частью от того, что его подбородок покоился в ложбинке груди, на которую он засматривался чуть менее часа назад. Все связные мысли внезапно исчезли из головы. Раньше он как-то не осознавал, насколько все-таки выросла Гермиона за последний год. Гарри всегда был значительно выше ее, но из увиденного в душе было ясно, что ее ноги стали длинными и стройными, а ее теперешняя поза показывала, что туловище Гермионы вытянулось пропорционально им.

Практически тотчас Гермиона ощутила свидетельство того, на чем сконцентрировано внимание Гарри. Осознав, что она притянула его лицо к своему горлу, Гермиона взвизгнула и, отчаянно покраснев, спрыгнула с его коленей. Она поспешно бросилась помогать Гарри распутывать ослабленные веревки и, запинаясь, начала говорить:

— О господи, извини! Я... Я не понимала... Я...

Гермиона прищурилась, увидев отсутствующее выражение лица Гарри и глупую перекошенную улыбку до ушей, прилипшую к его губам, но потом не смогла удержаться от смеха.

Когда мягкие изгибы ее тела отодвинулись от его подбородка, основные функции головного мозга Гарри восстановились и настала уже его очередь краснеть. Но его смущенная улыбка почти сразу сменилась озабоченным выражением лица.

Заметив это, Гермиона резко прекратила смеяться и спросила:

— В чем дело?

— Это не лишено смысла, ты так не думаешь? Связь с ним, парселтанг, эти странное сходство... все сходится. Но что это значит? Неужели мне придется умереть, чтобы раз и навсегда избавиться от ублюдка?

Гермиона опустилась на колени напротив него, нежно положила руку Гарри на колено и мягко произнесла:

— Честно говоря, я не знаю. Но ты ведь понимаешь, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы не допустить этого?

Мрачно улыбнувшись, Гарри кивнул.

— Ты уже перерыла чуть ли не всю библиотеку Хогвартса. Еще много книг осталось изучить на площади Гриммо?

— Ну, я просмотрела названия. На многие книги Пожиратели Смерти с удовольствием наложили бы свою лапу, но, как мне показалось, в них нет ничего относительно хоркруксов. Если хочешь, мы можем вернуться туда и посмотреть.

— Люпин считает, что заклинание «Фиделиус» на площади Гриммо спало, когда умер Дамблдор, который был хранителем тайны. Но если Снейп не лгал нам, то, возможно, он не рассказал Пожирателям Смерти о том, где находится это место. Как думаешь, ты сможешь сотворить Фиделиус?

— Даже и не знаю... То есть я читала об этих чарах, но нам понадобится немало времени, к тому же это очень мощное заклятие. Конечно, я готова попытаться, раз благодаря ему мы будем в безопасности, но за результат не ручаюсь.

Гарри улыбнулся ей и произнес:

— Я полностью уверен в твоих способностях. Я разговариваю с девушкой, сумевшей сотворить Протеевы чары на пятом курсе.

Гермиона покраснела и пренебрежительно отмахнулась от комплимента, но Гарри был уверен, что внутри она сияет. Она вручила ему палочку и спросила:

— Так, а что ты скажешь насчет ужина? У меня и крошки во рту не было с самого завтрака, я просто умираю с голоду.

— Извини, но мои запасы скудны. Хлеба и бекона, что я купил перед приездом сюда, должно было хватить на несколько дней.

— Ты что, собирался жить здесь? Тут же совсем нет мебели, даже кровати, а до следующей недели ты не сможешь воспользоваться магией, чтобы трансфигурировать что-нибудь в нее.

— В моей прежней спальне есть матрас. Там я сегодня и вздремнул.

— Гарри, я нашла тебя не в спальне, ты прятался под лестницей.

Гарри потупился и тихо произнес:

— Там и была моя спальня, пока мне не исполнилось одиннадцать.

Гермиона кивнула.

— Ну, нам ничего не мешает... — она сердито нахмурилась, — что ты сказал?

— Ничего страшного, — пожал плечами Гарри. — На самом деле, сам не знаю, почему, но сегодня я выспался как никогда хорошо. Мне снился странный сон, будто я обнимаю большого коричневого плюшевого мишку, хотя у меня никогда такого не было... Возможно, это память о

моей жизни с родителями.

Гермиона была вне себя от ярости. Как мог человек, обладающий хоть каплей порядочности, заставить маленького ребенка спать в чулане? Но если бы она не была так зла на Дурслей, то, скорее всего, не смогла бы удержаться от хихиканья, вспомнив о пробуждении в объятиях Гарри: лицом он зарылся ей в волосы, одну руку положил на живот, а второй нежно накрыл ее грудь. Выпутывалась из его объятий она достаточно долго, отчасти потому, что не хотела будить его, отчасти потому, что на самом деле ей совсем не хотелось покидать теплое местечко, но ей просто позарез нужно было принять душ... очень продолжительный, очень холодный душ.

— Так, уже около восьми, — сказала Гермиона, мельком взглянув на свои наручные часы. — Есть тут поблизости какие-то рестораны, которые еще открыты в это время?

Гарри поднялся на ноги. Вопрос напомнил ему о собственном финансовом положении.

Гермиона тут же обратила внимание на его неловкость и спросила:

— Что случилось?

— Просто у меня с собой совсем немного денег, так что я...

— Не волнуйся об этом, я заплачу. Папа подкинул мне денег и дал свою кредитную карту. К тому же я только что заправила машину, так что никаких возражений!

Гарри улыбнулся, спускаясь за ней по ступенькам, и спросил:

— Так ты приехала на машине? Как ты вообще узнала, что я здесь?

Вспомнив о следящих чарах Тонкс, Гермиона остановилась как вкопанная, осознав, что Гарри совершенно ничего не знает о нападении на больницу.

— Вот черт, я только сейчас поняла, что ты не знаешь! Этим утром на Мунго напали! Это было ужасно!

— Что? Что случилось?

— Сразу после твоего исчезновения внутрь ворвались Пожиратели Смерти, скорее всего, искали тебя. Тонкс находилась в твоей палате под мантией-невидимкой, а потом следила за тобой, пока ты не улетел. Она как раз была возле входа в больницу, когда появились Пожиратели Смерти. Из-за того, что они подорвали фасад здания, она оказалась погребенной под обломками.

— Погоди... Тонкс была у меня в палате? — Гарри страдальчески застонал. — Я что, дефилировал голым прямо у нее под носом?

Теперь Гермиона поняла, почему Тонкс упомянула «сексуальную» задницу Гарри.

— До того, как ты вышел из палаты, она успела наложить следящие чары на твой ботинок. Именно так я тебя и нашла, — пояснила Гермиона и хмуро добавила: — Под лестницей.

Гарри потупил взгляд в замешательстве. Это была одна из причин, по которым он никогда не рассказывал друзьям о своей жизни «дома». Одна мысль об их жалости претила ему, хотя непонятно, почему он испытывал странное удовлетворение от того, с какой враждебностью Гермиона отнеслась к Дурслям, защищая его интересы.

— В больнице все ужасно, — тихо произнесла Гермиона. — Погибло так много людей. Они напали даже на детское отделение; большинство детей мертвы, но Грюм сказал, что Котона выжила. Не знаю, как, но ей даже удалось задержать одного из Пожирателей.

«Котона...»

Гарри подошел к чулану, открыл его и вытащил оттуда свою метлу, мантию и книгу, которую дала ему девочка. Книгу он сразу вручил Гермионе.

— Она передала ее тебе. Я еще даже не открывал ее. Котона упомянула что-то о «Магии Души».

Взяв книгу в руки, Гермиона раскрыла ее и начала бегло пролистывать, по-видимому, ища что-то конкретное.

— Ну? О чем она? — с любопытством спросил Гарри.

— Откуда я знаю? С чего ты вообще взял, что я понимаю японские кандзи? — резко бросила она, но, увидев удивленное выражение лица Гарри, широко раскрыла глаза и прикрыла ладонью рот. — Я... Мне жаль... Я понятия не имею, почему так сказала!

Гарри вздохнул, забрал у Гермионы книгу и сказал:

— Все нормально, просто у нас был тяжелый день. Давай пойдем куда-то перекусим.

Выйдя из дома номер четыре, Гарри огляделся по сторонам.

— Говоришь, ты приехала на машине? Но где же...

С лица Гермионы еще не исчезло взволнованное выражение после ее недавней вспышки. Она небрежно взмахнула палочкой над подъездной дорожкой и произнесла:

— А, я наложила на нее дезиллюминационные чары... Finite.

В следующий миг Mercedes-Benz SL600 Roadster Convertible ее папы предстал перед их взорами на том самом месте, где она его оставила. Хотя Гарри и не разбирался в машинах, он сразу понял, что стоящая перед ним — очень дорогая. У него отвисла челюсть, а Гермиона сказала:

— Раз ты знаешь, куда нам ехать, может, поведешь сам? У тебя ведь есть права или разрешение?

Гарри горько рассмеялся, все еще рассматривая автомобиль.

— Ты, наверное, шутишь? Я прикасался к машине дяди Вернона, лишь когда мыл ее и полировал. Черт, да я и ездил-то в этой штуке, только когда меня отвозили на Кингс-Кросс или не могли оставить на миссис Фигг. Другими словами, за рулем ты... Я даже не знаю, как ее завести.

— Ладно, разберемся с этим завтра. Если ты знаком с маггловскими способами передвижения, то это дает тебе определенные преимущества. Я бы сроду тебя не нашла, пытайся я аппарировать к тебе, ведь я здесь никогда не бывала.

Сложив свои вещи и дорожную сумку Гермионы в багажник, Гарри сел на пассажирское сиденье, в то время как Гермиона разблокировала верх машины и нажала на кнопку, откидывая его. Когда она завела мотор, Гарри с удивлением услышал глубокий гортанный звук, исходящий из выхлопной трубы.

— Потрясающая машина! — заметил он. — Я на такой никогда не ездил.

Затянув свою копну волос в небрежный хвост, Гермиона принялась излагать факты:

— У двигателя двенадцать цилиндров, триста восемьдесят девять лошадиных сил и объем шесть литров; в машине есть система многоточечного впрыска топлива, дисковые тормоза на передних и задних колесах, автоматическая коробка передач с пятью скоростями и, конечно, овердрайвом; разгоняется до двухсот шестидесяти, хотя я бы так быстро не ездила... — тут она обратила внимание на ошарашенное выражение, появившееся у Гарри на лице, пока она декламировала спецификацию машины. — Что? Папа покупал ее при мне. И пока я ждала его, сидя в агентстве по продаже, я читала брошюры!

Они съехали с подъездной дорожки, и Гарри, улыбнувшись, покачал головой. Его до сих пор поражало, что Гермиона может вспомнить абсолютно все, что когда-либо прочитала. Когда они

выехали на дорогу, три девушки, проходившие мимо, обратили на них свое внимание и застыли на месте, разглядывая шикарную машину и хорошенькую девушку за ее рулем. Гарри прошептал:

— Они дружны с Дадли и его компанией хулиганов и постоянно усложняли мне жизнь.

Гермиона посмотрела на девушек, которые были неожиданно привлекательны, учитывая, что они околачивались рядом с жирным Дадли и его разношерстной компанией. Она заметила, с каким благоговейным страхом те уставились на Гарри. Улыбнувшись, она по-детски скорчила рожицу и показала им язык, после чего нажала на газ и уехала, оставляя на Тисовой улице следы от дымящейся резины.

Пока Гермиона мчалась по улице с бешеной скоростью, Гарри вцепился в дверную ручку мертвой хваткой. Повернув за угол, Гермиона ухмыльнулась ему и сказала:

— Ох, расслабься! Я же не всегда так вожу! Я просто хотела покрасоваться перед теми соплячками, вот и все.

И в самом деле, расслабившись через несколько минут, Гарри понял, что ему очень нравится кататься по Литтл Уингину с опущенным верхом под музыку «The Smiths», льющуюся из стереодинамиков. Он был поражен тому, как люди чуть шеи себе не сворачивали, заведя их, удивленные появлению столь роскошной машины в таком насквозь провинциальном городишке среднего класса. Ресторан, где Гарри собирался покушать, уже закрывался, так что они расположились в маленькой, но приятной глазу закусочной на окраине городка. Сев в углу подальше от любопытных глаз, они заказали рыбу в пивном кляре, жареную картошку и взяли напитки. Тут Гарри вновь заговорил о книге.

— Итак, существует ли легкий способ перевести книгу Котоны?

Гермиона неловко поерзала.

— Ну, я могу, конечно, перевести ее стандартным «Reddum», но есть одна проблема. Заклинание прекрасно работает для германской группы языков: немецкого, французского, испанского и английского — и даже относительно хорошо для языков с кириллическим алфавитом, таких, как русский, чешский, румынский и прочие. Проблема возникает с языками, использующими иные символы: китайским, японским, большей частью языков Дальнего Востока — или основанными на эмоциях, такими, как арабский, идиш и так далее. Заклинание переведет иероглифы, но, поскольку в зависимости от контекста практически все они имеют множество различных значений, результат будет очень трудно, если не невозможно, понять.

— А заклинание не может определить, какой был исходный контекст?

— Не очень-то. Предположим, написано было что-то очень простое, наподобие «Гарри пошел в магазин на углу за буханкой хлеба». А после перевода фраза может стать полной

бессмыслицей, например, «Покупая кастрюлю булки, Гарри пришел в угол магазина». Это зависит от того, насколько хорошо человек, применяющий чары, понимает исходный язык. Если бы я знала кандзи, хотя любой другой азиатский язык тоже подошел бы, то перевод не составил бы для нас проблем.

— Ладно, кто из наших знакомых может сотворить это заклинание и при этом знает азиатские языки?

Глаза Гермионы на мгновение потемнели, что не ускользнуло от внимания Гарри, прежде чем она злобно ответила:

— Ну, ты-то знаешь того, кто может. Почему бы тебе просто... — Гермиона прервалась, и на ее лице проступил шок. — О боже, прости меня, я опять начинаю! Клянусь, иногда мне хочется целовать тебя до изнеможения, но в следующую секунду кажется, что еще чуть-чуть — и я тебя ударю! Я... я совсем не знаю, что со мной произошло, но такое ощущение, что я борюсь с этим целую вечность.

— Гермиона! — задохнулся Гарри. — В каком смысле «целовать меня до изнеможения»?

Гермиона закатила глаза и сказала:

— Ой, ладно тебе! Не делай вид, будто ты ничего не знаешь! Ты понравился мне еще при первой встрече, и это чувство с годами лишь росло, но я знаю, что никогда не нравилась тебе в этом смысле, и смирилась с этим, правда. Именно поэтому эта... эта беспричинная «враждебность» к тебе так меня тревожит. Я имею в виду, она естественна для моих отношений с Роном, но мы с тобой никогда раньше так себя не вели. Просто это ставит меня в тупик.

— Почему ты никогда не говорила мне?

Гермиона посмеялась над вопросом и ответила:

— Я тебе уже объясняла этот момент, помнишь? Девушки так просто не подходят и не признаются в чувствах такого рода. Это не принято, да и какая девушка захочет действовать так, будто она совсем отчаялась. Но мои намеки были столь явными, что их было очень трудно не заметить. Мне казалось, что уж после замечания «Ты сегодня выглядишь сексуально, как никогда» до тебя все дойдет.

Устремив на нее пустой взгляд, Гарри спросил:

— Тогда почему ты говоришь мне это сейчас?

Гермиона устало вздохнула и заглянула ему прямо в глаза. После пары секунд размышлений

она произнесла:

— Ты умрешь...

На лице Гарри все еще ничего не отражалось.

— Что?

— Гарри, ты умрешь. Я умру. Рон, твоя тетя, дядя и кузен, профессор Люпин... Все мы. Все мы смертны, но не столь важно, как и когда ты умер, сколько то, как ты жил. В последний месяц, пока ты был без вести пропавшим, а потом лежал в Св. Мунго, у меня было время подумать. Я думала о том, что происходит в моей жизни, о нашей дружбе, о том, что мне нужно и к чему я стремлюсь в будущем. И сейчас, когда выяснилось, что, возможно, в тебе есть частица Волдеморта... Проживешь ли ты сто пятьдесят лет или умрешь завтра, я просто хочу, чтобы ты знал, что в этом мире есть человек, который тебя любит.

Потянувшись, Гермиона взяла ладонь Гарри в свои руки и продолжила:

— Не важно, что с нами случится, я хочу, чтобы ты знал это, как и то, что я никогда больше тебя не брошу. Обещаю.

Гарри тяжело сглотнул:

— Ты любишь меня?

Улыбнувшись, Гермиона погладила его ладонь, прежде чем отпустить ее, и мягко ответила:

— Ну конечно. Я люблю тебя уже который год.

По щеке Гарри скатилась одинокая слеза. Обеспокоенная, Гермиона спросила:

— В чем дело? Что-то не так? Я не хотела причинить тебе неудобства своим рассказом.

Гарри глубоко вздохнул, пытаясь взять эмоции под контроль. Подняв вилку со стола, он принялся вертеть ею в руках и прошептал:

— Мне никогда не говорили таких слов. На моей памяти ты единственный человек, который сказал, что любит меня.

— Ой, не может быть такого! Уверена, что твоя тетя говорила это, по крайней мере, когда ты был младше, и я не сомневаюсь, что Джинни все время повторяла тебе эти слова.

Гарри опустил взгляд на колени и лишь покачал головой, вытирая глаза рукавом.

Гермиона прищурилась и опасно прорычала:

— Твоя тетя, родная сестра твоей матери... женщина, растившая тебя с младенчества... никогда не говорила, что любит тебя? А Джинни? Ни единого разу?

Он вновь он лишь покачал головой и ответил:

— Никогда. Самым нежным, что я от нее слышал, было слово «урод», наполненное злобой чуть меньше, чем обычно. А Джинни... Я не знаю, она никогда не произносила этого, но мне казалось...

В этот момент подросла официантка с их заказом. Кушали они в относительной тишине, нарушаемой лишь сердитым бормотанием Гермионы. Как только они покончили с едой и им принесли счет, Гермиона бросила на стол двадцатифунтовую банкноту, что с избытком покрывало стоимость заказа и чаевые. Она грубо потянула Гарри с его места и, кипя от возмущения, практически отволокла его к выходу. Отперев машину, она забралась на водительское сиденье и подождала, пока Гарри сядет внутрь. В ту самую секунду, когда он закрыл за собой дверь, Гермиона обхватила его руками, крепко прижимая к себе, и разрыдалась.

— Не могу поверить, какие же они низкие, гнусные люди! Так обращаться с ребенком! Я знала, что дома к тебе относятся не лучшим образом, но я и представить не могла, насколько тяжело тебе было. Как мог Дамблдор оставить тебя с ними? Он вообще знал, как ужасно они с тобой обращались?

— Все было не так уж плохо; в конце концов, я тогда не знал, что бывает иначе. Меня это беспокоило лишь в праздничные дни и в мой день рождения. Очень долго я даже не подозревал, что мне могут дарить подарки.

— А чулан! Как они могли запира́ть ребенка в вонючем чулане... и не думай, что я не заметила все те замки и кошачью дверцу в этой просторной кладовке, которую они называли спальней! Это просто... недопустимо!

Ослабив хватку вокруг шеи Гарри, Гермиона немного отклонилась назад, заглянула ему в глаза и, всхлипывая, сказала:

— Ладно, возможно, мне следовало сказать тебе раньше. Жить, ни разу не услышав ни от кого, что он тебя любит, нельзя, уж поверь мне. Но сегодня для тебя все изменится. Я люблю тебя, Гарри. Что бы я ни сказала или ни сделала, что бы ни произошло, никогда не забывай об этом.

Гарри сидел, зачарованный глубиной темных глаз Гермионы. Даже в тусклом свете ему были

видны вкрапления золота в их шоколаде. Он задался вопросом, куда исчезли крошечные веснушки с ее переносицы. Когда она говорила, он чувствовал ее дыхание на своем лице. Гарри перевел взгляд на ее губы, красные, как спелая вишня. Они были так близко... буквально в нескольких дюймах... лишь немного наклониться вперед и...

Гермиона убрала руки с его шеи и откинулась на спинку сиденья. Заведя мотор, она переключила передачу и, прежде чем тронуться с места, улыбнулась ему сквозь слезы:

— Просто никогда не забывай.

Она выехала на пустынную улицу и направилась к главной дороге, ведущей на восток. Гарри озадаченно посмотрел на нее.

— Э-э-э, Тисовая улица в той стороне, — сказал он, показывая большим пальцем через плечо.

Она ухмыльнулась и своим фирменным командующим тоном произнесла:

— Если ты думаешь, что проведешь эту ночь в пустом доме, где нет даже нормальной кровати, то ты глубоко ошибаешься. Мы едем ко мне домой в Св. Оситу. Это всего в нескольких часах езды; у нас много свободных комнат и мои родители совсем не будут против... Ах, да, ответ «нет» не принимается, так что успокойся, расслабься и наслаждайся поездкой. Если хочешь, вздремни, завтрашний день обещает быть долгим.

* * *

Рон аппарировал на поляну в лесу, простиравшемся за Норой. Он тяжело опустился на поваленное дерево и схватился за голову. Некромантия... Как сильно должна была отчаяться Джинни, если она прибегла к темной магии? Черт возьми, некромантия — это черная магия. Поднятие мертвых, Круциатус и Авада Кедавра... Гермиона даже как-то упомянула, что создание хоркруксов по своей сути, вероятно, является некромантией. Используя это направление магии, невозможно получить результат, имеющий хоть какое-то отношение к нормам человеческой морали.

Рон задумался, знала ли Джинни о том, что использует темные чары. Вытащив скопированную страницу из кармана, он внимательно изучил ее, но так и не понял, что именно делало заклятие столь темным. Он предположил, что под «субъектом» в записях подразумевался Гарри. Выходило, что зелье должно было оттолкнуть Гарри от какого-то человека и притянуть к Джинни.

На первый взгляд, оно казалось обычным приворотом, но тут Рон осознал, что любовные зелья производят эффект лишь на двух людей, а не на трех, к тому же оно вызывало у «Объекта» негативные чувства. Было совершенно очевидно, кто являлся Объектом... Чоу Чанг. В конце концов, с кем еще у Гарри были романтические отношения? Да и расстались они достаточно неприятно. Но потом Рону пришло в голову, что Чоу уже окончила Хогвартс и больше там не живет. Почему Джинни продолжает использовать эти «духи»? И сработают ли они, оказывая влияние лишь на одну из сторон?

Хоть Рон и не хотел сгоряча обвинять Джинни; что-то ему подсказывало, что именно зелье повинно в состоянии здоровья Гарри и необходимо узнать о нем как можно больше. Отрицать это не имело никакого смысла. Луна ему помочь не могла... Рон неохотно признался себе в том, что ему нужны знания Гермионы.

Он поднялся с бревна и, покинув поляну, пошел прочь из леса. Рон пересек импровизированное квиддичное поле и направился напрямик к дому. В своей комнате он поспешно набросал короткое послание.

Дорогая Гермиона,

Не хочу писать об этом в письме, но мне нужно обсудить с тобой кое-что очень важное. Об этом нельзя говорить в Норе, поэтому давай встретимся в «Дырявом Котле». Напиши, во сколько ты сможешь быть там и пошли ответ с Сычом. И ПОЖАЛУЙСТА, приходи одна.

С любовью,

Рон.

Пока Рон писал, его крошечная сова неистово металась по комнате, подобно крылатому снитчу, обрадованная возможностью доставить послание. Закончив, он привязал письмо к лапе Сыча и сказал ему:

— Отнеси это Гермионе и дождись ответа... да лети побыстрее.

Он постарался незаметно выпустить Сычика в окно, и сверхактивная птица отправилась выполнять свое поручение. Теперь ему оставалось лишь ждать ответа.

Наблюдая, как маленькая сова исчезает вдали, Рон услышал сдавленный вздох, раздавшийся из дверного проема. Он быстро развернулся и увидел стоящую у двери Джинни. Ее лицо было залито румянцем, а дыхание сбилось, но она изо всех сил старалась это скрыть.

— Это... это письмо... оно для Гарри? — хрипло спросила она с напряжением в голосе.

Глядя на то, как она тяжело дышит, стоя в его дверном проеме, Рон почувствовал, что в нем

поднимается волна злости на младшую сестру. С плохо скрытым раздражением на лице он ответил:

— Нет, раз уж тебе нужно это знать, оно для Гермионы. Я интересуюсь, не встретится ли она со мной кое-где. Мне нужно осудить с ней кое-какие дела.

Рон удивился, когда при упоминании имени Гермионы губы Джинни гневно искривились и она произнесла:

— Господи! Когда же ты, наконец, ее трахнешь? Ты ведь хочешь ее. Чем дольше она остается одна, тем больше... меньше шансов, что ты сможешь заполучить ее, идиот ты эдакий!

Выпалив это, она крутанулась на каблуках, вихрем сбежала по лестнице и, влетев к себе в комнату, громко захлопнула дверь, оставив ошеломленного Рона чесать себе голову.

«Если бы это было так просто, почему ей не пришло в голову, что я бы уже давно это сделал?» — подумал он, спускаясь на кухню, чтобы посмотреть, что мама приготовила на обед.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818730>